

К определению понятия «языковые маркеры национально-культурного сознания»

© кандидат филологических наук *И. В. Привалова, 2004*

Изучение национально-культурной специфики языкового знака имеет давние традиции в отечественной филологической науке и отмечено разнообразием подходов. Руководствуясь практической необходимостью оптимизации процесса преподавания русского языка, Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров выделили «лингвострановедческие единицы», в которых прозрачна совокупность сведений о культуре страны, как то: безэквивалентная лексика, коннотативная лексика, устойчивые речевые формулы, невербальные средства коммуникации, реалии, фоновые знания и т. д.¹ В последующих работах основоположников лингвострановедения как самостоятельной области компаративного языкознания гипотетическое сопоставление языковых единиц проводилось с целью изучения проникновения культуры в семантику языковой единицы, при этом основное внимание уделялось, прежде всего, лексеме. Авторы объясняли это следующим образом: «...слово как отдельная языковая единица вмещает в себе и в себя знания о действительности, свойственные как массовому, так и индивидуальному сознанию»².

Первые лингвострановедческие работы были направлены на изучение специфики отдельных культурно-маркированных единиц русского языка, совокупность которых и составляла «страноведческие знания», без учета конкретного адресата, т. е. той этнолингвокультуры, с которой проводились сопоставления. Однако практика преподавания русского языка как иностранного показала, что необходима культурно-адресная семантизация, что повлекло за собой появление сопоставительных лингвострановедческих работ, и, как следствие, оформление отдельной научной дисциплины – сравнительного лингвострановедения. Основным предметом сравнительного лингвострановедения, по мнению А.С. Мамонтова, является «... национально-культурная специфика материальной и духовной культуры, находящая отражение в семантической структуре единиц изучаемого и родного языков и проявляющаяся в процессе овладения иностранным языком как средством межкультурного общения»³. Очень важным моментом в работе А.С. Мамонтова является то, что в качестве мате-

¹ *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М.: Русский язык, 1973.

² *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* Лингвострановедческая теория слова. М.: Русский язык, 1980. С. 192.

³ *Мамонтов А. С.* Язык и культура: сопоставительный аспект изучения. М.: Советский писатель, 2000. С. 116.

риала исследования рассматривается достаточно широкий, но, с нашей точки зрения, еще не предельно оптимальный спектр: лексический, фразеологический и афористический уровни и соответствующие единицы, содержащие культурный компонент; формы речевого этикета, невербальные средства коммуникации, отмеченные национально-культурной маркированностью; художественный текст – феномен национальной культуры, а также национальная (этническая) психология как субстрат речевого и неречевого поведения⁴. Выделение сравнительного лингвострановедения в самостоятельное научное направление способствовало методологической конкретизации таких наук как лингвострановедение, лингвокультурология, этнопсихоллингвистика и межкультурная коммуникация.

«Лингвострановедческая теория слова» инициировала, с одной стороны, появление лексикографических изданий лингвострановедческого типа, а с другой стороны, лингвокультурологических работ, в которых рассматриваются различные аспекты воплощения и проявления национальной культуры в языке. Работы В.В. Воробьева внесли существенный вклад в оформление лингвокультурологии как самостоятельной научной дисциплины, «изучающей взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка в его функционировании и отражающей этот процесс как целостную структуру в единстве их языкового и внеязыкового (культурного) содержания...»⁵. Различаются собственно языковые единицы и лингвокультуремы, в которых помимо обычных составляющих (знак – значение) прибавляется культурно-понятийный компонент, как совокупность «культурного ореола»⁶. Набор лингвокультурем образует лингвокультурологическое поле, которое «дает для определенного народа свою «картину мира», а сопоставление таких «картин мира» у разных народов вырисовывает сходства и различия в их языках и культурах»⁷. Предложенные положения подкреплены практическими исследованиями языкового материала, в качестве которого выступают лингвокультурологические поля «французская национальная личность» и «русская национальная личность». В них входят формы национального сознания, закрепленные в номина-структурах, представляющих собой лексические единицы, содержащие фоновые семантические доли, отражающие национальный смысл.

Созвучны понятию «лингвокультурема» предложенные В.И. Шаклеиным термины «лингвокультурологема» и «лингвоидеологема», которые описывают единицы, являющиеся составляющими лингвокультурного универсума и лингвокультурной ситуации. Через рассмотренные действие механизма номинации и предикации языковых единиц лек-

---

⁴ Указ. соч. С. 117.

⁵ Воробьев В. В. Культурологическая парадигма русского языка. М., 1994. С. 24.

⁶ Указ. соч. С. 33.

⁷ Указ. соч. С. 24.

сического уровня доказываемся постулат об оценочно-аксиологическом факторе моделирования ситуативного мировидения⁸.

В работах другого видного лингвокультуролога – В.А. Масловой также подчеркивается действенная функция языка как культурного кода нации, который «не только отражает реальность, но интерпретирует ее, создавая особую реальность, в которой живет человек»⁹. Как предметы исследования в лингвокультурологии выделяются: слова и выражения, служащие предметом описания в лингвострановедении, безэквивалентные языковые единицы, мифологизированные языковые единицы (архетипы, мифологемы, обряды, поверья, ритуалы, обычаи, закрепленные в языке), паремиологический и фразеологический фонды языка; эталоны, стереотипы, символы; стилистический уклад, речевое поведение и речевой этикет. Исследование содержит уникальный материал сопоставительного изучения близкородственных языков, относящихся к славянской группе. Однако по анализу языкового материала не всегда понятно, по каким критериям определенное явление квалифицируется как содержащая культурный фон языковая единица, или как культурный знак, или как когнитивная структура (например, в случае со стереотипом, эталоном, метафорой и образом).

С нашей точки зрения, когда речь идет о сопоставлении лингвокультур в соответствии с параметрами антропоцентрического подхода (а лингвокультурологический подход представляется именно таковым), то следует говорить о национально-культурной маркированности всей языковой системы, а не отдельных ее единиц. На современном этапе развития компаративных исследований антропоцентрической направленности нет единства мнений относительно того, что следует рассматривать в качестве объекта и предмета исследования лингвокультурологии, сравнительного лингвострановедения и этнопсихолингвистики. Поскольку эти парадигмы восходят к единому научному «истoku» (исследования В. Гумбольдта, Э. Сепира, Б. Уорфа, А.А. Потебни) и базируются на посылке детерминационного единства языка, сознания, этноса, культуры, то можно говорить об общности их материала исследования, которым должен являться весь комплекс национально-маркированных языковых единиц. Но предмет, объект, цели и задачи у каждого научного направления особые: в лингвокультурологии акцентируется внимание на взаимодействии языка и культуры, сравнительное лингвострановедение включен методический аспект, а этнопсихолингвистика инкорпорирует изучение психологической и когнитивной составляющих.

Попутно отметим, что описанные лингвострановедческие и лингвокультурные единицы объединяет то, что, в основном, это знаки лекси-

⁸ Шаклеин В. М. Лингвокультурная ситуация и исследование текста. М.: Об-во любителей русской словесности. 1997.

⁹ Маслова В. А. Лингвокультурология. М.: Академия. 2001. С. 3.

ческого уровня с «прикрепленной» культурной информацией, как-то: «национально-культурная реалья»¹⁰, «этноэйдолексема»¹¹, «логоэпистема»¹² и т. д. Анализируя особенности «новояза» постперестроечного периода, В. Г. Костомаров и Н. Д. Бурвикова предлагают понятие «логоэпистема», обозначающую информативную свертку текста. «Речь идет о знании, несомом словом как таковым – его скрытой «внутренней формой», его индивидуальной историей, его собственными связями с культурой»¹³.

Исследование национально-культурного аспекта номинации представляет собой еще один интересный подход, продуцирующий данные, которые способствуют пониманию закономерностей влияния культуры на означивание предметов и явлений объективной действительности. Изучение специфики механизма номинации в национально-культурном аспекте помогает понять не только особенности наименования объекта с учетом его принадлежности той или иной лингвокультуре, но и соотношение семантики с феноменом культуры вообще. Методика выявления национально-культурной специфики языка через изучение внутренней формы производного слова предлагается Т. И. Вендиной. Полагая, что словарный состав во многом определяется архетипом языкового сознания народа, автор данной гипотезы считает, что «язык культуры» есть не что иное, как результат процесса смыслообразования, при котором смыслы опредмечиваются, застывая в завершенных номинаструктурах. «Так как в любом языке словообразовательно маркируется то, что является биологически, социально или культурно значимо в сознании народа, то можно предположить, что словотворческий акт определенным образом организует смысловое пространство языка, обуславливая отбор значимых фактов и устанавливая наличие между ними связи»¹⁴. Внутренняя форма слова, проявляющая тот признак, который ложится в основу названия, действительно может играть важную роль для выяснения национальных особенностей семантики слова. Например, в русском языке признак «кривой», «извилистый» лег в основу наименований отрицательных характеристик поведения человека, выраженных идиомами «кривить душой», «влять». Но мотивированная лексика составляет незначительную часть от общего словаря любого современного языка, а обсуждение соотношения немотивированного и иконического (мотивированного) элементов

¹⁰ Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. Реалии // Мастерство перевода. М.: Сов. писатель. 1970. С. 432–456.

¹¹ Шейман Л. А. Научные основы курса русской литературы в кургызской школе. Автореф. д-ра пед. наук в форме научного доклада. Бишкек. 1994.

¹² Костомаров В. Г., Бурвикова Н. Д. Современный русский язык и культурная память // Этнокультурная специфика речевой деятельности: Сб. обзоров / РАН ИНИОН. М. 2000.

¹³ Указ. соч. С. 28.

¹⁴ Вендина Т. И. Словообразование и «скрытые смыслы» языка культуры // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2001. № 2. С. 16.

внутри одного лингвистического знака восходит к полемике о происхождении имен, которая имеет как именитых сторонников, ратующих за происхождение имен «от природы» (Платон, Лейбниц, Ферс, Якобсон и т. д.), так и именитых оппонентов, оспаривающих этот факт (Аристотель, Соссюр, Хомский и т. д.).

Огромный вклад в исследование национально-культурной специфики языковых единиц внесли сотрудники института языкознания РАН Ю.С. Степанов, Н.Д. Арутюнова, В.Н. Телия, Е.Ф. Тарасов, Ю.А. Сорокин, Н.В. Уфимцева и др. Их работы явились основополагающими и определяющими для развития современной отечественной лингвокультурологии, сравнительного лингвострановедения и этнопсихолингвистики. Исследования Ю.С. Степанова посвящены описанию констант культуры в диахроническом аспекте, поскольку анализ их содержания проводится с привлечением текстов различных времен¹⁵. Научные интересы Н.Д. Арутюновой сконцентрированы на изучаемых также в диахроническом аспекте универсальных терминах культуры, извлекаемых на основе сопоставления текстов – продуктов различных лингвокульту¹⁶. В.Н. Телия и ее ученики исследуют культурную семантику фразеологических единиц с позиции рефлексии носителя языка, т. е. в синхроническом и антропоцентрическом аспекте.

Рассматривая культурно-национальную специфику фразеологических единиц, В.Н. Телия обосновывает понятие культурной коннотации как интерпретацию денотативного или образно мотивированного аспекта значения в категориях культуры. Концепция В.Н. Телия базируется на гипотезе, объясняющей воплощение культурной коннотации в содержание языкового знака: культурно-национальная специфика языковой единицы служит «звеном», соединяющим в единую цепь «тело знака» и знаки культуры – концепты, стереотипы, эталоны, символы, мифологемы и т. п. Средством воплощения культурно-национальной специфики в их знаковую организацию служит образное основание, а способом указания на специфику является интерпретация образного основания в знаковом культурно-национальном «пространстве» данного языкового сообщества, которая и составляет содержание культурно-национальной коннотации¹⁷. Исследование В.Н. Телия представляет собой не анализ отдельных языковых явлений, объединенных общими признаками, а разработку теоретической модели, позволяющей представить различные аспекты значения языкового знака в лингво-когнитивно-культурологической парадигме, а также дать характерологическое описание ситуаций и условий, позволяющих языковым знакам выполнять роль культурных феноменов.

¹⁵ Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: 1997.

¹⁶ Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры. 1999.

¹⁷ Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры. 1996. С. 214-215.

Приведем принципиально важные постулаты концепции В.Н. Телия, которые стали «навигационными» при выработке теоретических основ и для разработки понятия «языковые маркеры национально-культурного сознания». При изучении национально-культурной специфики за исходное принимается национальный язык в его идиоэтнических формах, а не отдельные языковые факты, где и усматриваются идиоэтнические черты. Описание культурно-национальной специфики отдельного языкового явления проводится на широком теоретическом фоне, связанном с взаимоотношениями языка и культуры как двух семиотических систем. (Теоретическим фоном нашего исследования является положение об этнолингвокультурном сознании и его овнешнениях как инструментах анализа специфики МКО). Национально-культурная специфика идиом, безусловно, представляет собой наиболее яркий иллюстративный материал культурно-языковой соотносительности, однако, культура присутствует не только за системой значений образно мотивированных номинативных единиц, но и за системой и структурой всего языка. Наконец в воплощении культурных фактов в семиотическом коде усматривается культурно-обусловленное восприятие объективно существующего образа мира, определяющее мировидение, и далее – миропонимание представителей определенного этнолингвокультурного сообщества.

Таким образом, в большинстве лингвострановедческих и лингвокультурологических исследованиях изучаются лексемы, содержащие культурно-маркированные семантические доли, т.е. узаконивается вхождение непонятного представления в состав слова. Понятие языковые маркеры национально-культурного сознания (далее – ЯМНКС) подразумевает включенность национально-культурных знаний не только в денотативно-коннотативную структуру языкового знака, а в структуру языка и его единицы в виде пропозиций и фоновых знаний, принадлежащих этнолингвокультурному сознанию языковой личности. Пропозиция понимается нами как «отражающей некие онтологически существующие отношения между предметами или предметом и его свойством и осмысленные как таковые в голове человека»¹⁸.

Образ мира, универсальный в своей первозданности меняется от одной культуры к другой, поскольку в процессе восприятия человеком в структуре деятельности общения явления реальной действительности специфически фиксированы причинными и пространственными связями. Этнолингвокультурным сознанием определенного сообщества задается программа коммуникативного поведения языковой личности. Введение понятия ЯМНКС как овнешнителей образов этнолингвокультурного сознания представляет возможность анализировать межкультурные аспекты языкового сознания и этнокультурную специфику образов сознания. Лю-

---

¹⁸ Краткий словарь когнитивных терминов. / Под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М.: Изд-во Московского университета. 1996. С. 138.

бое изменение образа мира, неизбежно происходящее в процессе развития этноса, отображается и фиксируется в ЯМНКС, что позволяет выделять парадигматический и синтагматический аспекты.

Следует заметить, что предположение о необходимости изучения образов сознания и структур языкового сознания при исследовании несущих национально-культурную информацию языковых единиц высказывались в ряде лингвострановедческих работ. Так Г. Крабб предлагал наряду с исследованием национально-маркированных языковых единиц учитывать особенности структур сознания индивида как представителя определенной этнокультуры¹⁹. В.В. Ощепкова, классифицируя культурологические, этнографические и типологические аспекты лингвострановедения, подвергла сопоставительному анализу облигаторные национально-окрашенные образы в различных вариантах английского языка, при этом, оставив без определения, само понятие «национального словесного образа» и механизмы его структурирования в «национальный образ мира»²⁰.

Понятие ЯМНКС подразумевает рассмотрение не одного, отдельно взятого языкового знака, обладающего национально-культурной спецификой, но продуктов речевой деятельности моно-, би-, полилингвальной языковой личности – представителя определенного этнолингвокультурного сообщества. Вследствие этого ЯМНКС являются предметом антропоцентрической парадигмы лингвистики, и как части ее – этнопсихолингвистики. Введение термина ЯМНКС позволяет не только выявлять национально-культурную специфику отдельных единиц, но определить национально-культурную специфику всей языковой системы как инструментария, которым пользуется языковая личность, для происходящего в виде вербальной интерпретации овнешнения своих образов сознания.

Наличие целостной теоретической основы – понимание ЯМНКС как овнешнителей образов этнолингвокультурного сознания, где язык и культура являются формами существования общественного сознания – фактор, благоприятствующий сознанию единой таксономии ЯМНКС, способной быть экстраполированной на любые контактирующие, а значит, и сопоставляемые этнолингвокультуры.

---

¹⁹ Крабб Г. Методика предупреждения трудностей восприятия национально-культурной специфики русского художественного текста в процессе обучения ганских студентов-филологов. Автореф. ... канд. пед. наук. М. 1991.

²⁰ Ощепкова В. В. Культурологические, этнографические и типологические аспекты лингвострановедения. Автореф. ... д-ра филолог. наук. М. 1995.